

Семь дней творенья

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ФЕСТИВАЛЯ «ТЕАТРАЛЬНЫЕ ОПЫТЫ»

Замысел программы проступал постепенно. Нарастание тревожной неоднозначности, убывание уютной определенности, разжеванности. И, следовательно, все большее вовлечение зрителей в создание образа того или иного спектакля.

Но что объединяло, пожалуй, все представленные на фестивале, работы, так это экстенсивный способ освоения театральной действительности. Не в глубину, но в ширь, когда главное — придумать общее решение спектакля. Во главу угла таких постановок ставится интересность, оригинальность решения пьесы. Об отдельных актерских работах говорить практически не приходится — все они лишь винтики в исполнении концепции. Форма вместо смысла, которым можно пожертвовать ради эффектного «жеста». Театр агрессивной режиссуры, где за каждым поворотом сюжета, за каждой мизансценой выглядывает Демиург. Лидер. Режиссер. Но в «театре поиска», вероятно, и не может быть иначе. Студии, ансамбли и небольшие театры существуют не сами по себе, но лишь при наличии лидера, увлекающего единомышленников своими идеями и взглядами.

Итак, концепции. Фенечки и фишки. Остроумные решения... В такой ситуации единственным критерием оценки может быть адекватность замысла самому себе. Это тот случай, когда применим закон, сформулированный Пушкиным — оценивай художника по законам им самим над собой принятым. Исходя из этого золотого правила, мы увидели, что некоторые работы недотягивают даже до уровня собственных притязаний. Какие-то, напротив, совпадают с ними. Ну а меньшинство (из мной увиденного, это, прежде всего «Свидетельство о смерти» театра из Берлина) становится событием независимо от поставленных авторами задач.

Да, это такое актуальное искусство, освоение новых территорий, разведка недр. Но на этом «поисковом» фоне как нельзя четче оформляется значимость театров стационарных, академических, традиционных. Которые обогащают свой арсенал находками авангардистов, снова становясь современными и актуальными. Но, в свою очередь, разве и все эти студии и коллективы экспериментаторов, конечно своей целью не ставят закрепление статуса, эстетического и социального? Разве не стремятся они к тому, чтобы стать еще одним «драматическим-академическим»? Нечто подобное происходит сейчас с «Манекеном», который ремонтирует новое помещение, предвкусывая открывающиеся перед ним, «муниципальным учреждением культуры», перспективы. Главная из которых — проведение нового фестиваля на новой, отвоеванной у небытия территории.

Дмитрий БАВИЛЬСКИЙ,
«Культура»

Черный квадрат

«Модель-театр» (Москва). А. Пиранделло «Генрих IV». Режиссер А. Ледуховский

Один из классиков отечественного живописного авангарда составил себе славу тем, что писал картины лишь оттенками белого цвета. Светлым по светлому. В самом красивом спектакле феста все оказывается ровно наоборот.

История рассказывалась «Модель-театром» практически в полной темноте. Два часа смутные тени разыгрывают красивые статичные композиции. Проектор выхватывает из тьмы кисти рук, выкрашенные мелом лица, белые жабы. Скрещенье рук, скрещенье ног, судьбы скрещенья. Таинственно непонятно, странно. Есть в этом что-то от скрещенья режиссерского стиля Ю. Любимова (аскетика спектакля, игра с прожекторами, многофункциональная символичность антуража) с режиссерской же манерой П. Виктюка (графичность пластики, стремление запечатлеть, сфотографировать мгновение) и все это не про-

сто так — раскрытия сюжета ради. Драматургия Л. Пиранделло не менее заморочена и противоречива, чем Х. Мюллера. Концы здесь не сходятся с началами и каждый персонаж рассказывает как бы свою версию происходящего. «Совы и то, чем они кажутся», а персонажи оказываются «перевертышами». То ли это доктор безумен, то ли Генрих с ума сошел, то ли оба они изображают себя больными, то ли все ровно наоборот. Подобная неоднознач-

ность провоцирует череду ложных финалов. Выбери себе любой.

Игру драматурга с обилием финалов поддерживает и режиссер, даже поклоны артистов превращая в каскад мизансцен, отвоеванных прожектором у темноты. Ну, да черный квадрат способен вместить сразу все изображения в мире. От потенциального изобилия выигрывают все — зрители, актеры, театр.

Дмитрий БАВИЛЬСКИЙ,
«Культура»

...и час «Модерна»

Неоднократно процитированная в мировой литературе фраза из библейской Книги Иова «И спася я один, чтобы возвестить тебе» вполне может быть эпиграфом к повести Феликса Розинера «Лиловый дым», а также к спектаклю по этой повести, поставленному выпускницей ЛГИТМиК Александрой Кругляк в московском театре «Модерн».

Последний свидетель

Герой спектакля и повести — вечный еврейский Шлемиль, о которого разбиваются все невзгоды этого мира. Случайно оказавшись втянутым в послевоенное противостояние советских войск и Зеленых Братьев над свежими могилами расстрелянных в Литве евреев, этот Иосиф-Странник оказывается не участником схватки, а ее свидетелем. Кажется, что не вынесет человек таких невзгод — родителей расстреляли, их убийцей оказывается товарищ детских игр, он чуть было не «приводит в исполнение» приговор самому свидетелю. Однако в итоге герой постепенно постигает свое призвание — он не может делать зла, но должен созидать. Учить детей, растить родившегося без отца ребенка своего врага, превращать ров, куда свалили расстрелянных, в кладбище с оградкой и памятником. Бог действительно хранит этого Иошке, отводя от него и пулю, и штык, и яд. И потому в конце жизни свидетель отказывается судить бывшего Зеленого Брата, оставляя решение его участи Высшему Судье. Вся эта история рассказывает нам

обаятельным, потрясающим актером Арсением Ковальским, который способен построить вокруг себя целый театр, где действующие имеют свою походку, свою манеру говорить и смотреть все герои пьесы. Арсений умеет быть и лиричным, и угрожающим, и усталым. Он — идеальный рассказчик для такого волнующего сюжета. И еще особо хочется сказать о музыке Фаустаса Латепаса, какой-то очень прибалтийской, помогающей создавать интонацию подлинности свидетельства, а также о работе талантливой Аллы Лавровой, которая сделала потрясающую сценографию. Ее странная, похожая на ткацкий станок или вешалку для полотенец установка может превращаться и в дом, и в стог сена, и в ворота на окраине села, а лоскутное одеяло с буквами ивритского алфавита — то в скатерть, то в накидку для субботней молитвы. Это, пожалуй, лучшая декорация для моноспектакля из всех, которые приходилось когда-либо видеть.

Андрей ВАГАНОВ